

Убедившись в правильности своих расчетов относительно очков, Нин Цзэ наконец не выдержал и рассмеялся.

Он попытался было активировать функцию создания артефактов, но система бесстрастно сообщила, что для этого требуется десять очков Добра и Зла. Что ж, придется подождать, пока он не выполнит поручение Государственного наставника.

Нин Цзэ бережно сложил десять пилюль Столетия — ароматных, с идеально ровным цветом — в фарфоровый флакон и, окончательно выбившись из сил, повалился на кровать прямо в одежде. Он не спал больше двух суток, и усталость навалилась на него свинцовой тяжестью.

Но стоило ему начать погружаться в объятия сна, как в голове раздался голос, который, казалось, долго не решался заговорить:

«Тебе следовало его спасти».

«Это еще зачем?» — мысленно отозвался Нин Цзэ, прекрасно понимая, что речь идет о Чжу Сине.

«Хороший человек должен исцелять раненых и помогать умирающим... — голос замялся, подбирая нужные слова, и наконец выдал: — Видя несправедливость, нужно обнажать меч и приходить на помощь!»

Нин Цзэ сел в постели и нравоучительно покачал пальцем перед собой:

«В задании было сказано: "наставить его на истинный путь". Я это сделал? Сделал».

«Э-э... Ну да», — растерянно ответил голос.

«Он мне ни брат, ни сват, верно?»

«Верно...»

«И он пытался меня убить, так?»

«Так».

«Ну и какое мне тогда дело до того, что его прирезали? С какой стати я должен рисковать собственной шкурой ради него? Да и какой смысл в спасении, если спаситель приносит себя в жертву?»

«Что?»

Нин Цзэ заговорил с неподдельным пафосом:

«Посуди сам: я жив, а значит, в будущем смогу спасти еще сотни людей. Но если бы я подох, вытаскивая Чжу Синя, а он остался жив... Ты уверен, что он стал бы творить добро? Так чья жизнь, по-твоему, ценнее для мира: его или моя?»

«Ты...»

Это звучало настолько логично, что голос просто не нашел, что возразить.

«Который сейчас час?»

«Вторая четверть часа Свиньи...»

«Вот именно, — Нин Цзэ снова погрозил пальцем невидимому собеседнику. — Время спать. Так что иди поиграй во что-нибудь и не мешай мне».

Только договорив, он вспомнил, что Сяо Чу его не видит. Разочарованно фыркнув, он рухнул на подушку и мгновенно провалился в сон.

«Но ты же...» — попытался было вставить слово Сяо Чу, но ответом ему послужило лишь мерное, глубокое дыхание.

Нин Цзэ спал без задних ног.

«И что это за человек такой?» — мысленно простонал голос, оплакивая свою горькую участь.

Спустя семь дней, ранним утром, Нин Цзэ проснулся от странного ощущения: кто-то или что-то нежно щекотало его ухо. Что-то мягкое и прохладное...

Открыв глаза, он увидел, что побеги Пожирательной души лианы беспорядочно извиваются на кровати, то и дело задевая его листьями. Заметив, что хозяин проснулся, он ласково потерся о его шею и, словно хвастаясь добычей, протянул ему одну из своих ветвей.

На самом кончике висел ярко-зеленый плод овальной формы, от которого исходило едва уловимое сияние духовной энергии.

Духовный плод!

Нин Цзэ слышал, что лиана способна порождать плоды, в которых заключена сила, равная целому духовному камню среднего качества, но видел такое впервые. В последние дни он часто задавался вопросом: сможет ли он, еще не достигший полной зрелости, плодоносить? Теперь сомнений не осталось.

Однако радость быстро сменилась тревогой. Государственный наставник притворялся добрым лишь потому, что жаждал заполучить плоды лианы. Стоит Нин Цзэ утаить находку, и старик мгновенно сбросит маску. Время для открытого противостояния еще не пришло, а значит, придется отдать сокровище.

Сердце Нин Цзэ облилось кровью. В мыслях он помянул предков наставника до восемнадцатого колена и поклялся, что, когда придет срок, заставит старика вернуть всё до последней крошки.

Скрепя сердце, он привел себя в порядок и отправился на встречу с Государственным наставником.

— Господин наставник, я только что проснулся и обнаружил на лиане вот это.

Нин Цзэ протянул плод, изобразив на лице крайнюю озабоченность.

— Это растение становится всё более странным. Я провожу с ним и день и ночь... не причинит ли оно мне вреда?

Глаза наставника буквально прикипели к плоду. Ощувив густую духовную энергию, он едва сдержался, чтобы не вырвать его из рук юноши. Прочистив горло, он елевым голосом произнес:

— Не тревожься, дитя, оно тебе не враг. Этот плод — лишь побочный продукт жизнедеятельности растения. Оставь его мне, я позже избавлюсь от него.

Нин Цзэ с облегчением кивнул и положил плод на письменный стол.

— Благодарю вас, господин наставник. Вы меня очень выручили.

— Усердно тренируйся, — бросил Государственный наставник, уже не скрывая равнодушия к собеседнику. — В будущем тебя ждут великие свершения.

Как только Нин Цзэ скрылся за дверью, старик схватил плод. Он долго вертел его в руках, не в силах сдержать ликования. Легенды не лгали — мощь лианы была поистине велика.

Раздался стук в дверь. Наставник быстро спрятал плод и придал лицу беспристрастное выражение.

— Войди.

В комнату проскользнул дворецкий, прижимая к груди шкатулку из сандалового дерева.

— Господин, я принес то, что вы просили, — прошептал он, опуская ношу на стол.

В шкатулке лежала ярко-красная, давно окоченевшая тушка Огненного скорпиона. Наставник довольно кивнул:

— Ступай в казначейство, получи десять лан серебра.

Дворецкий, рассыпаясь в благодарностях, поспешил уйти.

Наставник осторожно взял скорпиона и бросил его в алхимический котел, над которым вился сизый дымок. Ему стоило немалых трудов раздобыть этого зверя. Из него можно было приготовить смертоносный яд без цвета и запаха, который не смог бы распознать даже обладатель Пожирающей души лианы.

Сперва он хотел прикончить Нин Цзэ собственноручно, но, едва спасшись от гнева бывших собратьев по секте, стал слишком дорожить своей шкурой. Увидев, что Чжу Син не справился, он побоялся вступить в прямой бой с лианой. Отрава требовала времени, зато была куда надежнее.

«Живи пока, — холодно подумал он. — Осталось недолго».

Тем временем Нин Цзэ вернулся к себе. Лиана, потерявший свой плод, тут же обвился вокруг его руки, заискивающе щекоча ладонь листьями.

Нин Цзэ невольно улыбнулся. За эти дни он успел изучить прожорливую натуру Сяо Хуня. Он быстро начертал на полу простой Массив сбора духовной энергии, и лиана тут же бросилась к нему, мгновенно позабыв о хозяине.

Нин Цзэ еще раньше догадался, что Пожирающая души лиана питает слабость к чистой Ци, и за неделю превратил его в преданного питомца. Теперь он каждое утро и вечер подпитывал растение, и оно стало послушным, словно домашний пес. Нин Цзэ даже отказался от мысли наложить на него клеймо подчинения — разумное существо куда полезнее безвольной марионетки.

Утолив голод своего «питомца», Нин Цзэ уселся на кровать, скрестив ноги, и погрузился в медитацию.

Треск!

Вспышка молнии, ударившая где-то совсем рядом, заставила его вздрогнуть и вынырнуть из состояния транса.

Неужели кто-то неподалеку проходит Небесное испытание?

Нин Цзэ распахнул окно. Снаружи бушевала стихия: небо затянуло иссиня-черными тучами, в которых бешено металась молния, но при этом не упало ни единой капли дождя.

Электрические разряды, похожие на мириады огненных змей, один за другим обрушивались на далекий горный пик. Оконные рамы в поместье мелко дрожали от непрекращающегося грома.

Пик то исчезал в тени, то ярко вспыхивал в свете разрядов. Похоже, несчастный практик выбрал именно это место для своего прорыва.

Гроза бушевала около получаса и стихла так же внезапно, как и началась. Тучи мгновенно рассеялись, обнажив бездонную синеву неба. Однако над горой не вспыхнул свет вознесения. Похоже, бедолага не сдюжил — его тело и дух обратились в пепел.

«Путь культивации тернист, — мимоходом подумал Нин Цзэ. — Не повезло человеку».

Он уже собирался закрыть окно, как вдруг какая-то тонкая черная тень сорвалась с неба и, проскользнув в щель, упала на пол.

Существо отчаянно извивалось. Это был маленький черный змей длиной не больше фута. Его чешую покрывала темно-золотая вязь причудливых узоров. Нин Цзэ не смог определить породу — в его памяти не было подобных описаний. Возможно, просто редкий вид.

От змея исходило слабое дыхание водной стихии, что говорило о наличии зачатков культивации. Однако аура его была крайне нестабильна: вероятно, существо попало под отголоски молний и теперь страдало от хаотичного движения Ци в меридианах.

Нин Цзэ, не колеблясь, выпустил поток собственной духовной энергии, мягко окутывая его и пытаясь направить ее силы в нужное русло. Его нынешние возможности были ничтожны, и даже такая простая задача требовала колоссального напряжения. Вскоре на его лбу выступили капли пота.

Он помогал ему не просто из жалости.

Четыреста лет назад, будучи лишь скромным практиком на стадии Золотого Ядра, Нин Цзэ гостил в одной дружественной секте. Там ему довелось издали увидеть Верховного старейшину Секты Тяньсюань — Мо Си.

Он до сих пор помнил тот миг: человек в черных одеждах, окруженный толпой почтительных учеников, шел по галерее. Лицо его было бесстрастным, взгляд темных глаз — холодным и надменным, словно застывший иней.

Нин Цзэ, чье сердце к тому времени уже должно было стать невозмутимым, внезапно почувствовал, как оно забилось в бешеном ритме. Он стоял, не зная, куда деть руки.

Позже приятель шепнул ему, что этот человек — лучший мастер Тяньсюань, могущественный демон-змея, чьим истинным обликом была редчайшая черная змея. Тогда Мо Си уже давно пребывал на стадии Разделения Духа.

С того дня Нин Цзэ словно одержимый стремился догнать его в развитии. Он быстро достиг Зарождения Души, но застрял на позднем этапе этой стадии на целое столетие. Страх, что Мо Си вознесется раньше, чем он успеет к нему приблизиться, толкнул Нин Цзэ в то злополучное Тайное царство, где он и встретил свою гибель.

Он помогал этому маленькому змею из-за старой любви. Мо Си был змеей, и теперь Нин Цзэ просто не мог пройти мимо попавшего в беду существа, столь похожего на его прежний идеал.

<http://bllate.org/book/17490/1708697>